

ЮЛИЯ ЧЕРНУХИНА

ОТРЫВКИ

Истории старого Дома продолжаются

18+

Мастера прозы

Юлия Чернухина

**Отрывки. Истории старого
Дома продолжаются**

«ЭКСМО»

2026

Чернухина Ю.

Отрывкин. Истории старого Дома продолжаются /
Ю. Чернухина — «Эксмо», 2026 — (Мастера прозы)

ISBN 978-5-04-247117-9

Это продолжение необычных приключений ученого-мага Олега Отрывкина и его друзей. А в этот раз Отрывкин влюбился. Конечно, в ведьму. Но, как оказалось, на пути к счастью есть непреодолимое препятствие из-за генетических опытов с магией его деда, профессора-биогенетика. Здесь никто Отрывкину помочь не сможет. Остается один вариант: всей дружной компанией отправиться в Сибирь, к местному шаману Федору, лечить Отрывкина. Они даже не подозревают, что их ожидает в черной тайге. Федор, кстати, тоже не подозревает. В общем, все в лучшем стиле Отрывкина: не навреди, но отрывайся по полной! ЭТА КНИГА — ПРОДОЛЖЕНИЕ ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ НЕ САМОЙ ОБЫЧНОЙ, НО ВЕСЕЛОЙ КОМПАНИИ МАГОВ. «Очень не хотелось расставаться со своим Отрывкиным и его командой, веселой, шептунной, никогда не унывающей компанией магов. Хотелось еще испытать вместе с ними новые приключения и забавные ситуации, в которые они всегда попадают благодаря своему чувству справедливости и неумному любопытству. Послушать байки старого Ворона, которые являются вполне себе самостоятельными рассказами. Поэтому продолжение написалось само. ЧИТАЙТЕ И УЛЫБАЙТЕСЬ!» Автор

ISBN 978-5-04-247117-9

© Чернухина Ю., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Чьи в Доме тапки?	8
Байки старого Ворона: Колодец	12
Глава 2. Ни минуты покоя	14
Байки старого Ворона: Журавли летят	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Юлия Чернухина

Отрывкин. Истории старого Дома продолжаются

Всем моим друзьям и знакомым, которые поддерживали меня в написании книги, давали мне уверенность в своих возможностях.

Особая благодарность: талантливому художнику-иллюстратору Анастасии Митюкевич (которая так чудесно оформила эту и другие мои книги, а также подарочные наборы открыток к «Отрывкину»); Светлане Ч. (ее советы и поддержка были неоценимы); Олегу М. (тезке моего Отрывкина, который волшебным мастерски щелкает пальцами); Лиру (мастеру витражей, вдохновившему меня на образ волшебных витражей старого Дома и библиотеки, и успокоившему мои сомнения), Юле Ж. (очень доброму и светлому человеку, за постоянную поддержку), Марине Р. (чуткой и понимающей, которая всегда готова прийти на помощь).

И многим другим.

Вы все замечательные.

Спасибо вам огромное за то, что вы есть! Счастья вам и улыбок!

Предисловие

Плетутся сказок кружева
Из необычных отношений —
Таких законченных явлений,
Которыми вся жизнь полна.

И сразу сменится тогда
Взгляд на явления бытовые.
И будут действовать иные
Для всех законы бытия.

Природы выполнив каприз,
Дается каждому рожденье —
Одно большое приключенье,
Которому названье – Жизнь.

Глава 1. Чьи в Доме тапки?

Как-то раз Олег Отрывкин – молодой ученый с весьма специфическим складом ума и неожиданно свалившейся на него способностью к интуитивной магии (об этом написано в первой книге об Отрывкине) – заперся в лаборатории и просил ему не мешать. А занялся он усовершенствованием жизненного эликсира (или, если коротко, живой воды): слишком много побочных явлений, если его без добавок давать пострадавшему, – и шерсть могла на носу вырасти, и уши в трубочку свернуться, да много еще разного. А когда Отрывкин так работал, он ни на что не хотел, да и не мог, отвлекаться – сказывался его научный склад ума. О чем и предупредил всех домашних, и Дом в том числе. Все согласились, только Дом обиделся: когда это он кому мешал? Стоит, поскрипывает, никуда не бегаёт – ну обидно же! Дом потом решил высказать все свои претензии, после окончания работы Отрывкина, а то вдруг у того образуется нездоровая привычка обвинять кого ни попадя.

Отрывкин, не подозревая, что он своим предупреждением мог кого-то обидеть, с головой ушел в работу. Поэтому не услышал, как на лужайке перед лабораторией стали раздаваться восторженные визги, писки и крики. Его опыт вошел в завершающую стадию – через несколько секунд должно было стать ясно, удался опыт или нет. Поэтому все внимание Отрывкина было приковано к колбе. И в этот самый миг, когда, по предположению Отрывкина, жидкость в колбе должна была из розовато-мутной стать прозрачной, раздался душераздирающий мяв с поляны. Он был такой громкий и горестный, что колба с экспериментируемым эликсиром чуть не упала на пол, а Отрывкин от неожиданности лязгнул зубами и прикусил язык.

Когда он немного пришел в себя от боли, ярость накрыла его. Выскочив из лаборатории и уже почти рывкнув: «Я же просил!» – Олег вынужден был захлопнуть открытый для крика рот. От увиденного его глаза широко раскрылись и стали похожи на две тарелки. Причем испуганные.

На поляне в глубоком обмороке лежала рыжеволосая мейн-кун Василиса (по совместительству супруга Левы – ипостаси Отрывкина в виде мини-льва, который раньше был меховыми тапочками с головой льва), а вокруг нее толпились котята – Матвей, Прохор и Ася. Матвей с Прохором странно мялись, переступая с лапы на лапу, а умница Асенька уже давала матери какие-то капли, пытаясь привести в чувство.

Отрывкин подлетел (в прямом смысле) к Васе, подул на нее, щелкнул пальцами, и она пришла в себя.

– Ну и что здесь происходит? – встревоженно начал Отрывкин. – Я ведь просил...

Договорить ему не дали. Вася, охая и плача, кое-как рассказала: услышав, что на поляне перед лабораторией слишком уж разыгрались дети и стало шумно, она пришла, чтобы уговорить котят.

– А тут такое, такое... – И Вася опять принялась рыдать.

– Ну что, довели мать?! – грозно спросил Отрывкин и опять дунул на Васю. Она успокоилась, но глаза оставались испуганными.

Матвей, как самый храбрый, решил прояснить ситуацию:

– Да мы вообще ничего не делали! Мы просто вот...

Раздался негромкий хлопок, и на том месте, где стоял Матвей, образовалось розовое облачко, которое быстро растворилось в воздухе. Матвея на этом месте не оказалось, зато стояла пара детских меховых тапок с львиными мордами. Точь-в-точь, каким был когда-то Лева.

Вася, увидев сына в таком виде, опять собралась в обморок, но Отрывкин не дал. Он строго щелкнул пальцами, и Вася уже окончательно пришла в себя.

Тут на весь этот шум и гам выбежал из дома Лева, который восполнял свое магическое образование в библиотеке.

Увидев свое семейство в сборе, а вместо второго сына – тапки, он радостно улыбнулся и не без гордости сказал:

– Весь в меня!

– А в кого он должен быть? – подозрительно спокойно переспросила Вася. – В дядю Петю?

– В какого еще Петю? – обомлел Лева. – Ты мне ничего об этом не говорила!.. – начал закипать он.

– Так, тихо! – решил вмешаться Отрывкин в назревающую ссору. – Лева, ты что, не видишь, что твои гены сработали? – спросил он Леву. – Ты не заметил, что твой сын как две капли воды стал похож на тебя того, что еще не перевоплотился? И прекрати мне тут жену тиранить, не потерплю! – уже пригрозил Отрывкин.

– Так чего она про Петю какого-то... – оправдывался Лева. – И почему только у Матвея мои гены? А у остальных?! – опять стал заводиться Лева.

Сегодня он был особенно вспыльчив: ему никак не удавалось уловить причинно-следственную связь между размером магического поля, состоянием погоды и разбитой в детстве банкой варенья.

– Наверное, только у меня нет твоих генов, па, – грустно брякнула молчавшая до этого Ася. – Мальчишки оба могут в тапки превращаться, а я нет... – И она громко заплакала.

Только Василиса хотела ее утешить, как раздался громкий хлопок и на месте Аси стояли две меховые тапочки, только с мордами мейн-куна.

На поляне воцарилась тишина, а потом очень громкий крик.

– Ура-а-а! Мои гены и никаких Петь! – ревел радостный Лева.

Но недолго. Послышался звук громкой пощечины, и крик радости затих.

– Это тебе за Петю! – рявкнула Василиса и скомандовала: – А ну-ка, все сейчас же превратились в нормальных зверей! А то мало не покажется!

Все знали, что, когда Василиса начинает командовать таким тоном, лучше ей не перечить. По полянке прошел легкий ветерок, и все котята встали по стойке смирно.

– Я вам покажу гены! – начала лютовать Вася. – Вы у меня вообще на всю жизнь кошками останетесь безмолвными!

Отрывкин наблюдал всю эту сцену, периодически закатываясь хохотом. Ну надо же, гены!

«Хорошо, что не мои, а то Лева-то – моя ипостась», – думал он и снова заходился смехом.

Успокоившись, он решил помирить рассорившуюся семью.

– Ну вот что, – начал он, – все объясняется просто: у котят начался переходный возраст, вот они и переходят из одного состояния в другое. Сегодня был, видимо, первый раз, поэтому столько шума и гама. Родители, вам осталось объяснить детям, как этим переходом пользоваться, чтобы это не происходило спонтанно. И все будет нормально.

– Легко сказать, – пробурчал Лева. – Как объяснишь, если я сам не умею?

– А я вообще честная кошка и никогда ни в кого не превращалась! – гордо сказала Вася... и с негромким хлопком превратилась в меховые тапочки с мордами мейн-куна.

Котята поприветствовали превращение матери громкими криками «Ура!».

– Здравсте, приехали, – ошеломленно произнес Лева. – Мы тут все что, одной породы, что ли?

– Да-а, этого я тоже не ожидал, – задумчиво сказал Отрывкин. – Очевидно, с кем поведешься, от того и наберешься. Или что-то вроде... Надо бы вернуть Васю.

Он привычно щелкнул пальцами, и Вася опять стала сама собой.

– Ну и что теперь делать? – грустно спросила она. – Олег, может, полечишь?

– А тут не от чего лечить. Это же ваши ипостаси, ваше второе «я», от него никуда не денешься. Идите в библиотеку, там проведем для вас всех ликбез, чтобы путаницы не было.

Только он закончил говорить, как в лаборатории что-то громко хлопнуло и наступила тишина.

– У меня же там опыт с живой водой! – закричал Отрывкин и кинулся в лабораторию.

В лаборатории, бросив взгляд на то место, где стояла опытная колба, он увидел, что в ней абсолютно прозрачная жидкость, только сама колба парит над столом.

– Ура! – закричал Отрывкин. – Не будет больше побочных!

Потом подумал, взял пипетку, наполнил жидкостью и вынес на поляну, где все кошачье семейство с любопытством прислушивалось к тому, что происходит в лаборатории.

– Вам выпала честь... – начал Отрывкин.

– Никакой чести нам не выпало и не выпадет! – твердо перебила его Вася. – Никаких опытов над нами я не позволю!

Отрывкин опешил, но собрался с духом и сказал:

– Первым буду я! – И не успел никто его остановить, как он капнул живой воды себе в нос.

Раздался знакомый хлопок, и на месте Отрывкина появились меховые тапки с мордами львов, а Лева исчез. Тут уж завопили все.

На крики слетелись все обитатели Дома, да и сам Дом в шоке хлопал ставнями.

Когда Сова, Соловей и Ворон (друзья Отрывкина, которые были людьми, но, став магами, предпочли оставаться в своих животных ипостасях) услышали всю историю, они хохотали так, что чуть в узлы не свернулись.

Отсмеявшись под укоризненными взглядами осиротевшего кошачьего семейства, Сова начала первой:

– Вот что бывает, когда захочешь доброе дело сделать, а переключиться с одного задания на другое забываешь, – сипя от смеха, сказала она. – Ему надо было сосредоточиться на своем сознании, а он все о вас думал, ну и вот результат.

– Что же делать-то теперь? – растерянно спросила Вася.

– Ну, сухари сушить не станем, – уверенно сказала Сова, – а вот подобное подобным лечить будет в самый раз.

Ворон и Соловей согласились. Ворон даже похвалил. Сова, от непривычки ко всеобщему одобрению, стала поправлять на себе перышки и всячески их приглаживать. Наверное, вспомнила, что она барышня нежная и относиться к себя должна соответственно.

Взяли пипетку с новой живой водой, капнули на тапки. Очередной хлопок с дымком – и перед ними уже стояли ошеломленный Отрывкин и Лева.

Им коротко рассказали, что случилось. На что Отрывкин ответил:

– Ну да, я же все время думал о тапках, вот и получил... – И улыбнулся.

Все с облегчением вздохнули.

Следующие капли получили котята и Вася, которая теперь не сопротивлялась. Но ничего не случилось.

Лева решил задать вопрос:

– Может, не сработало?

На что Отрывкин ответил:

– Все в порядке. Теперь вы будете становиться тапками, только когда захотите. Никаких неожиданностей и сюрпризов!

Вася и котята тут же попробовали. Превратившись обратно, остались довольны.

– А Дом уже всякого вкусенького нам наготовил, – пощелкивая клювом, сказал Соловей. – Тоже, наверное, перенервничал, бедный.

Дом благодарно заскрипел половицами.

Все, веселые и довольные, отправились ужинать. А после ужина, поскольку все были в отличном настроении, пристали к Ворону, чтобы он рассказал свою очередную байку. Ворон

отказываться не стал, и все, как обычно, собрались в библиотеке. Пришел и Алеша, который в другой ипостаси был соседним измерением. Все ему обрадовались.

– Поскольку день сегодня был насыщенный, – начал Ворон, – то и расскажу вам сегодня забавную историю.

Все были за, и Ворон начал...

Байки старого Ворона: Колодец

Возвращаясь с работы, Галина Николаевна и подумать не могла, что ее обычная дорога с работы до дома так закончится. Была она женщиной предпенсионного возраста, преподавала в музыкальной школе сольфеджио. Невысокого роста, стройная, с ясными серыми глазами и подстриженная в стиле каре, она выглядела миловидно и представительно. И голос у нее был красивый и редкий – контральто.

Итак, шла Галина Николаевна своим обычным маршрутом от метро домой. Можно было и на автобусе доехать, но она очень любила эти несколько остановок пройти пешком. При ходьбе ей думалось легче. Она вспоминала прошедший день, что у Саши Чернова уже очень хорошо получается петь с листа (по нотам), а вот Настенька путается, да и голосок у нее еще плохо поставлен.

Задумавшись, Галина Николаевна не заметила под ногами открытого люка, – очевидно, канализацию чинили и либо закрыть забыли, либо не дочинили еще. И вокруг никаких ограждений не поставили.

Сделав очередной шаг, Галина Николаевна не почувствовала твердой почвы под ногой и автоматически сделала шаг другой ногой. Ну и провалилась. Испугаться она не успела, так как почти сразу зацепилась за торчащий из стены колодца штырь. Юбка у нее была плотной, поэтому и зацепилась весьма надежно. Вися или, лучше сказать, почти стоя в этом колодце (она даже не видела, глубоко ли ей падать, если что), Галина Николаевна очнулась от своих мыслей и поняла, что попала в трудное положение. Она не видела, за что можно ухватиться и как вылезти. И где эти ступеньки, по которым лазают ассенизаторы или как они называются.

Приблизительно такие мысли, за вычетом обсценной лексики, посетили Галину Николаевну.

От начала колодца было не так уж и далеко, и Галина Николаевна решила проверить, а сколько осталось до дна. Вот зачем ей это было нужно, она и сама не знала. Висела плотно, в чем убедилась, несколько раз дернув юбку. Возможно, Галина Николаевна не стала бы так экспериментировать, если бы знала глубину колодца. В этом ей «повезло» – глубина была около трех метров, что обуславливалось ландшафтом. Поняв, что слезать с крючка практически некуда, она решила постараться рассмотреть, что же там внизу. Внизу, кроме темноты, ничего не было.

«Та-а-ак, – подумала Галина Николаевна. – „Она смотрела в бездну, а бездна смотрела в нее“, – неожиданно вспомнились переиначенные слова Ницше, и ее пробрал холод. – Значит, рабочие ушли. Вылезу, я им такую жалобу накааю!» – сладострастно мечтала она. Но внутренний голос напомнил: «Ты вылези сначала, живой и здоровой!»

На это возразить было нечего, и она призадумалась. А надо сказать, что, когда Галина Николаевна впадала в задумчивое состояние, она начинала петь. И не что-нибудь, а куплеты тореадора из оперы Бизе «Кармен». И чем глубже уходила в свои размышления, тем громче пела. Голос у нее был прекрасный. И все было бы хорошо, если бы автоматически (смотря куда ее заводили размышления) она не включала в эту арию слова обсценной лексики. О чем даже не подозревала.

Будучи человеком грамотным, лексикон Галина Николаевна имела обширный и разнообразный, что и на обсценной лексике сказывалось весьма ощутимо. Получалось следующее: «Тореадор, ... смелее, тореадор, тореадор, ...! Знай, ... что, ... испанок жгучие глаза, ... на тебя смотрят страстно, ...!» Ну и так далее.

К концу арии она поняла, что сама из колодца не вылезет и надо что-то делать. Но тут, к ее полной неожиданности, раздались весьма бурные аплодисменты. Причем они слышались как сверху, с улицы, так и снизу, из колодца. Кто-то даже кричал: «Браво!»

«Что вообще происходит? – ошеломленно думала Галина Николаевна. – Почему хлопают? Кто там внизу расхлопался? И почему не вытаскивают?!»

И, наконец окончательно рассердившись: на глупых хлопнунов, на дурацкое положение, на невозможность вылезти самой из этой «преисподней», как окрестила Галина Николаевна колодец, она так громко, выразительно и не стесняясь в выражениях (чего может стесняться женщина, подвешенная за юбку в канализационном колодце?) высказала все, что обо всем этом думает, что везде наступила оглушительная тишина – и сверху, и снизу. Через несколько секунд грянул хохот – опять-таки и сверху, и снизу.

Наконец до людей дошло, что представление закончено и надо бы как-то помочь. Сверху сбросили веревку (откуда она взялась, кто ее знает), а снизу начали подталкивать. Галина Николаевна, уже не удивлявшаяся ничему, схватилась мертвой хваткой за веревку, и потихоньку ее стали вытягивать из колодца. Юбка отцепилась сама.

Когда Галину Николаевну, живую, невредимую и очень рассерженную, подняли на поверхность, опять раздались аплодисменты. Поправив одежду, она всех поблагодарила, за что опять удостоилась аплодисментов.

«Уж не раскланяться ли?» – ехидно подумала Галина Николаевна и с гордо поднятой головой, но при этом посматривая под ноги, направилась к дому, благо он был недалеко.

Она так и не поняла, за что ей аплодировали: за ее профессиональное пение или за то, что пела она весьма нетрадиционно.

Глава 2. Ни минуты покоя

Погода на следующий день была хорошей. Все жители старого Дома занимались, как всегда, кто чем.

Лева с Отрывкиным заперлись в лаборатории, чтобы заняться усовершенствованием живой и мертвой воды, а также дедулиного эликсира, чтобы уменьшить его зависимость от спиртовой составляющей.

Ворон, удалившись в свой закуток около печной трубы, увлеченно писал свои байки, тихо поскрипывая перышком, и был очень доволен жизнью.

Вася в библиотеке обучала котят чтению.

Соловей в небольшой комнатке около кухни, где жили подростки крысята, внушал им, как должно себя вести в Доме порядочное семейство крыс: что можно и что нельзя им делать.

– Вы должны прежде всего соблюдать чистоту, – говорил Соловей. – Крысиное семейство в приличном доме никогда не опустится до того, чтобы съесть объедки. У вас есть своя чистая, светлая комната, уютно обставленная, Дом готовит замечательную еду и следит за чистотой, и вы ничем не отличаетесь от остальных жителей нашего Дома. Поэтому вести себя должны так, чтобы никто не смог стыдиться вас. Вы должны хорошо учиться, магии в том числе: в этом Доме неучей нет. И, конечно, не может быть и речи о том, чтобы сгрызть в Доме хотя бы одну половицу: Дом живой, все чувствует, не надо его обижать...

Подростки крысята сидели смирно, тихо и только кивали в знак согласия.

Таким образом, все были чем-то заняты, все при деле. И только у Сова было свободное время. Мешать она никому не хотела, поэтому решила прогуляться в окрестностях Дома, посмотреть, что творится в округе.

Недолго думая, Сова надела свою любимую прапорщицкую фуражку и отправилась в соседний поселок, проверить, как там идут дела, все ли спокойно, все ли счастливы.

«Ну а что, – думала Сова, – имею право самостоятельно совершить обход вверенной нам территории».

Так сама с собой рассуждала Сова. Пока рассуждала, как раз долетела до поселка, и первое, что ей бросилось в глаза, – все были чрезвычайно счастливы!

Просто она попала на свадьбу. Столы, как положено, были выставлены прямо на дворе, и веселье в самом разгаре.

Сова, как птица общительная, очень любила всякие праздники. Поэтому она присела на лавочку около праздничного стола, не сомневаясь, что ей все тут рады: к визитам обитателей старого Дома местные уже давно относились спокойно, потому что знали, что там живет команда Отрывкина – Мага и Волшебника с больших букв, который стоит на страже их интересов.

Люди здесь жили гостеприимные, доброжелательные. А уж на таком празднике, как свадьба, святое дело гостя приветить. Сове обрадовались и начали ее потчевать разносолами.

Сова с удовольствием общалась, рассказывала новости из жизни магов, расспрашивала о том, какие новости у соседей. Не забыла она и полюбопытствовать содержимым стола. Нашла, что он действительно праздничный и соответствует, и решила немножко полакомиться. Да и молодых поздравить надо было.

– Ну, – сказала Сова, – за здоровье молодых! Чтобы дом у них был полной чашей! Чтобы жили счастливо, в любви и согласии!

Все радостно поддержали такой тост.

Съев кусочек сыра и запив его соком, Сова решила поближе рассмотреть молодых. Птицей, да и человеком тоже, она была любопытной.

Первым, что бросилось Сове в глаза, была прапорщицкая фуражка, лихо сдвинутая набок на голове у жениха.

Глаза Совы затуманились воспоминаниями: «Эх, такая же, как у моего бывшего...» И она сравнила ее с фуражкой, которая была у нее на голове.

При этом, нисколько не смущаясь, налила себе рюмку чего-то, что стояло поближе к ней, махнула ее не глядя и закусила кусочком сыра. То, что Сова приняла за легкое вино, оказалось местным самогоном. У Совы с непривычки глаза немного съехались к клюву, а фуражка – на затылок.

«Эх, оскоромилась, – грустно подумала Сова, – ведь решила же ничего крепче эликсира дедули Отрывкина не пить!»

Молодые были счастливы, что к ним залетела такая высокая гостья, и потчевали ее как могли.

Когда Сова уже совсем была в счастливом расположении духа, молодой, который был человеком военным, решил произнести тост. Он сказал:

– А теперь давайте выпьем за нашу армию, за честь и достоинство!

Забурлила кровь у Совы, когда услышала родное: «армия», «честь». Воспрянула птица духом и громко гаркнула на весь стол:

– За лучших прапоров на свете! – И, как только это сказала, она вдруг как-то особенно ясно осознала, что на молодом надета фуражка. И не какая-нибудь, а прапорщицкая.

Неизвестно что пришло в голову хмельной Сове (возможно, вспомнились лучшие минуты в отношениях с ее прапором), но она прослезилась и потянулась обниматься с женихом. Приговаривая при этом чуть заплетающимся языком:

– Все у нас будет хорошо!

Невесте почему-то эти слова не понравились. Она покосилась на Сову и произнесла с сарказмом:

– У нас-то точно все будет хорошо. А вот как будет у вас, я не знаю. И мою семью это не касается!

Услышав такие слова, Сова сильно обиделась и попыталась объяснить невоспитанной невесте, кто здесь старший по званию и как к нему, этому званию, надо относиться. И вообще, всяким пигалицам лучше помалкивать, когда прапор с прапором разговаривают. А то недолго и клюв на сторону свернуть, то есть нос.

Невеста от такого напора была в шоке, если не сказать больше. Поэтому она сделала первое, что пришло ей в голову, – размахнулась и от души отвесила оплеуху своему жениху.

Жених вообще ничего не понял из того, что происходит: только что его невеста была ласковой и милой, а сейчас он уже от нее получает по щеке. Не то чтобы сильно, но обидно! Эта ситуация требовала прояснения. Примерно так подумал жених-прапор.

Но тут влезла Сова, после того как ей в очередной раз налили.

– Да как ты посмела коснуться своей рукой заслуженного человека, прапора?! Да ты вообще недостойна рядом с ним сидеть, не то что!.. А ну встать, когда с тобой старший по званию разговаривает! Всем встать! Клювы набок сворочу! – совсем слетела с катушек Сова, которой что-то примерещилось.

Молодой окончательно отключил свои мыслительные способности. С одной стороны, он вообще не мог понять, почему Сова в его фуражке выясняет отношения с его невестой и при чем здесь некий прапор. С другой – эта самая Сова была из известного старого Дома, из команды магов Отрывкина, а связываться с магами молодому не хотелось: мало ли чем это дело может закончиться.

Сова тем временем совсем дошла до кондиции, взъерепенилась. Она клацала на всех клювом и уже почти рычала:

– Мы щас... да мы щас всех здесь!.. А кто не прапор, я не виновата!

Гости тем временем поняли, что происходит что-то неладное, непраздничное что-то происходит. Хотя, если задуматься, в самый раз было праздничную драку начинать: какая свадьба без потехи молодецкой? И гости, не особо задумываясь и предвкушая свадебное развлечение, разделились на два лагеря: «за наших» и «против чужих».

И началась потеха! Больше было шума и гама, никто особо драться-то и не хотел. Покричать, поугрожать, рассказать, какой страшный в гневе, – а больше ничего и не случилось. Зато пар выпустили.

Кто-то додумался сбежать к старому Дому и позвать Отрывкина.

Отрывкин, очень недовольный, что его оторвали от опыта, оставил за старшего Леву, чтобы тот присмотрел за ходом эксперимента, который невозможно было прерывать, и быстро телепортировался к месту происшествия вместе с Вороном.

Когда они прибыли на место свадьбы, то увидели непотребную картину: Сова, размахивая фуражкой, зажатой в лапе, кружила вокруг головы молодой, которая уже не знала, куда спрятаться, и громко клала клювом. Решив, что молодая выучила урок и доведена до нужной кондиции, Сова опустилась опять на лавку, тянула рюмку неизвестно чего и громко захрустела соленым огурцом.

Увидев все это, Отрывкин и Ворон впали в шок. Они никогда еще не видели Сову в таком «боевом» состоянии. Сова могла, конечно, вспылить. Но чтобы вот так вести себя в гостях – такого еще не было. Поэтому Отрывкин, пока Ворон колдовал над Совой и приводил ее в нормальное состояние, поздравил молодых от всего сердца и от жителей старого Дома, пощелкал пальцами и восстановил праздничное настроение, напрочь стерев у всех из памяти безобразный эпизод с Совой и дракой.

Сова, которая частично пришла в себя, с удивлением спрашивала себя, что это на нее нашло.

Засыпав цветами всех гостей, устроив им праздничный, невиданный фейерверк – огни невообразимых цветов и оттенков превращались в голубей, лебедей, звезды и сердца, рассыпались по всему небу и гасли где-то за горизонтом, а перед этим превращались в надписи с пожеланием счастья молодым – и подарив огромный, необыкновенно вкусный свадебный торт, раздосадованный Отрывкин вместе с Вороном и Совой телепортировались в Дом, оставив праздничное застолье и всех гостей в приятно-удивленном состоянии от таких чудес.

В Доме их ждала уже вся переполошенная команда.

Отрывкин, прибыв на место, строго посмотрел на Сову и спросил:

– Ну и что это было?

Сова похлопала глазами, проверила состояние клюва – оказался несвернутым – и ответила:

– Приношу всем свои извинения. Нелегкая попутала. Случайно самогона хватанула вместо воды, вот и примерещилось незнамо что... – Затем сконфуженно пробормотала: – Не нарочно я! Выпила, и триггернуло меня. Опять вспомнила своего бывшего...

Сова так печально это произнесла, что всем стало понятно: она, в общем-то, не виновата. Это все ее комплекс вины.

Все смотрели с сочувствием на Сову, а Отрывкин почесал нос и сказал:

– Ну все, надоело! Больше этого с тобой не случится! – И щелкнул пальцами.

– Ты что сделал-то? – всполошился Ворон. – Ты знаешь, что будет, если начать стирать длительную память? Да она же себя забудет!

– Спокойствие, только спокойствие, как говорил небезызвестный Карлсон. Никакую память я не стирал. Всего-то чуточку подправил причинно-следственные связи, и теперь Сова четко понимает, что ее бывший был распылен за предательство и вредительство. И она здесь точно ни при чем, – спокойно объяснил Отрывкин.

– Сова, ты как? – с участием спросила Вася.

– Хорошо, – с удивлением произнесла Сова.

Она и в самом деле чувствовала себя прекрасно. И даже воспоминания о бывшем ее не расстраивали.

Все облегченно выдохнули, а Лева спросил:

– А на свадьбе-то как? Настроение, там, и вообще...

– А мы весь негатив и агрессию убрали и салют устроили замечательный, – улыбнулся Ворон. – Думаю, все у молодых будет хорошо. Долго и счастливо, в общем. Отрывкин на них столько положительной энергии выплеснул!

Все облегченно заулыбались. Лева делал так: «Грм-грм», что означало, что он поддерживает действия Отрывкина и Ворона. Соловей сочувственно похлопывал Сову по крылу, а Василиса вздыхала и от избытка чувств вытирала глаза кончиком хвоста.

Сова, видя, как все за нее и за «дело рук ее» переживают, окончательно пришла в себя, от стыда спрятала клюв под крыло и дала всем слово, что никогда и нигде больше даже не упомянет слово «прапор». А фуражку свою в запале она закинула в кусты (потом ее нашел Ворон и отдал обратно Сове – все-таки память).

На этом история с Совой закончилась.

Все опять разбрелись по своим делам. Только Сова полетела в мансарду, чтобы немного обдумать случившееся и отойти от стресса.

Соловей тем временем решил пообщаться с соседним измерением – Алешкой. Для этого он пролетел в библиотеку и через камин позвал Лешку, как они обычно делали, когда хотели с ним пообщаться. Но что-то пошло не так.

Вместо Алешки из каминного проема вылетел какой-то черный, вонючий смерч, закрутился по библиотеке и, захватив Соловья, вылетел опять в камин. Соловей понять ничего не успел, не то что кого-то позвать на помощь.

Пока Соловья кружило со страшной силой, он потерял сознание. Когда же сознание к нему вернулось, он обнаружил, что сидит на какой-то лужайке, запутавшись в сетке, а вокруг радостно смеются несколько человек, одетых очень несовременно.

«Крестьяне, что ли?» – вяло подумал Соловей.

– Вот здорово! – сказал один из мужиков. – У нас хороший улов соловьев. То-то барин порадует! У него, говорят, сегодня будет званый обед, а какой же обед без пирога с соловьиными язычками.

Остальные крестьяне радостно заржали.

Услышав такие речи, Соловей чуть снова не потерял сознание. Он смутно чувствовал, что его куда-то несут и куда-то кладут. Он еще окончательно не понял, что происходит, но чувствовал, что попал в очень скверную ситуацию. Мало того что ситуация была скверной, так еще вроде бы и не в своем измерении. Что делать дальше, Соловей еще не решил, а времени, как он понимал, оставалось не так уж и много.

Когда Соловья принесли на место и положили на какой-то стол, сняли сеть и связали лапы и крылья, у него появилась возможность оглядеться; а когда огляделся, он испугался окончательно.

Соловей оказался на большой кухне, где на соседнем столе кухарка месила тесто, явно для какого-то праздничного пирога. И тут он вспомнил, чем должен быть начинен этот пирог. Тут уж Соловья совсем поплохело. Он стал подумывать о том, не потерять ли ему сознание в который раз, но передумал.

«Я профессор магии или кто? – думал Соловей. – И если я профессор, то должен придумать способ вызвать своих друзей на подмогу. А иначе мне конец!»

Соловей сосредоточился, подумал, почесал клюв и разразился такой соловьиной трелью, которую можно услышать только в очень хорошую июньскую ночь.

Отрывкин, который вместе слевой продолжал заниматься опытом над живой водой, вдруг отстранился от очередной пробирки и сказал:

– Лева, а ты не слышишь, случайно, будто где-то наш Соловей поет?

На что Лева ответил:

– Да, что-то такое прозвучало, только далеко как-то, будто он улетел.

– Лева, а зачем нашему Соловью улетать куда-то в лес? У него вроде планов таких на сегодня не было, – задумчиво произнес Отрывкин. – Что-то мне кажется, что наш Соловей попал в нехорошую историю... А пойдем-ка мы с тобой, Левушка, посмотрим, что у нас происходит в библиотеке. В случае чего, у Алешки поспрашиваем, может, он что-то знает.

Так они и сделали. В библиотеке было спокойно, чисто, тихо и уютно. Не зря это было любимое место в Доме для всех. Солнечный свет, проходя сквозь витражные стекла библиотеки, вел себя, как всегда, непредсказуемо. Сейчас, например, ярко-багровое пятно света лежало на камине и пульсировало, будто дышало, а перед Отрывкиным илевой по полу скакало лимонное пятнышко света, похожее на солнечный зайчик, по которому периодически пробегали тревожные алые сполохи. Никаких магических эманаций, кроме обычных, не чувствовалось.

Вдруг Лева, который нарезал круги по периметру библиотеки, надеясь найти хоть какие-нибудь следы Соловья, заметил тонкую черную полосу, которая вела к камину. Лева тут же об этом рассказал Отрывкину. Отрывкин, который уже давно внимательно рассматривал багровое пятно на камине и задавался вопросом, не означает ли это чего-нибудь важного, осмотрел полосу, вытащил маленький флакончик с живой водой, который постоянно носил при себе, капнул на эту полосу, и она вдруг превратилась в маленький черный вихрь, который со скоростью ветра вылетел в камин.

– Ну точно, – сказал Отрывкин, – без другого измерения здесь не обошлось. Утащило что-то нашего Соловья, попал он в какую-то передрыгу. Надо спасать.

– А как спасать-то будем? – спросил Лева.

– Вот мы сейчас Алешку крикнем и спросим у него, что ему известно, – ответил Отрывкин.

Алешку долго кричать не пришлось – возник сразу.

– Случилось что? А то кричите так, что вас через измерение слышно, – сказал Алешка сразу же, как только появился.

– Да Соловей наш пропал куда-то, – нервно сказал Отрывкин. – Может, ты знаешь что-нибудь о том, что с ним могло приключиться?

Было видно, что Олег очень нервничал. Лева тоже места себе не находил. А Алешка посмотрел на них и сказал:

– Да не нервничайте так. Сейчас сообразим, как найти Соловья.

Дело в том, что для Алешки все члены семейства старого Дома уже давным-давно стали родными и относился он к ним, как к родным. Поэтому пропажу Соловья воспринял тоже очень остро.

Алешка метнулся к себе, что-то там поколдовал и, вернувшись, сказал:

– Тут очередная протечка была из измерения, которое через два от моего находится. Оттуда какой-то смерч вылетел, очевидно, Соловей ваш попал в этот смерч, и его затянуло в это измерение. Так что надо выручать. А то в этом измерении, насколько знаю, живут любители пирогов с соловьиными язычками, что считается деликатесом.

Услышав это, чувствительный Лева грохнулся в обморок.

Отрывкин побледнел, но взял себя в руки и процедил сквозь зубы:

– Я им покажу пироги с язычками! Они у меня собственными языками подавятся. – И Отрывкин яростно зацелкал пальцами.

Ни для кого уже не было секретом, что, когда Отрывкин щелкает пальцами, может случиться все что угодно. Его природная магия таким образом требовала выхода. Поэтому Лева быстро пришел в себя, Алешка тоже насторожился, и не зря: вся дружная компания, не успев моргнуть и глазом, вихрем влетела в камин и телепортировалась.

Оказавшись на той же лужайке, где недавно был Соловей, Отрывкин с товарищами огляделся и увидел вдаль, в парке, которым оканчивался лес, усадьбу очень несовременного, помещичьего вида. Выглядела она довольно внушительно: огромный дом, выкрашенный в приятный желтый цвет, с белыми колоннами входа; широченная лестница, подковой спускающаяся с двух сторон к подъездной площадке; множество высоких окон по фасаду, поблескивающих стеклом. Перед домом было разбито несколько пышных клумб. На подъездной площадке стояли экипажи, запряженные лошадьми. Кучера или кто-то похожий занимались своими делами: кто-то дремал, сидя на козлах, а кто-то трапезничал, расстелив тут же чистую тряпицу, в которую был завернут его нехитрый обед.

– Ну точно, – пробормотал Отрывкин. – Мы попали в измерение, которое похоже на середину девятнадцатого века в России, судя по архитектуре дома. Тогда действительно некоторые помещики, чтобы удивить гостей, подавали пироги, начиненные соловьиными язычками. Деликатес, между прочим. Сколько же птиц надо было загубить! Так вот куда нашего Соловья занесло! Ну, мы сейчас им покажем кузькину мать.

Хмурые Лева и Алешка, соглашаясь, кивнули.

В это время Соловей, ни жив ни мертв, сидел на кухонном столе и ждал, что будет дальше. Повариха оставила на соседнем столе тесто подходить – это чтобы оно стало пушистым и нежным – и вышла. Рядом с Соловьем также находились еще штук двести таких же невезучих, как он. Очевидно, все они предназначались для пирога. И даже не они, а их языки. От этих мыслей Соловью совсем стало плохо. Но вылететь, несмотря ни на что, он никуда не мог, а его «сокамерники» были твари бессловесные, то есть говорить не умели, и помощи от них ждать не приходилось.

Соловей стал придумывать, как бы ему смыться с этой чересчур гостеприимной кухни, как вдруг посреди нее что-то стукнуло, повеяло дымком и из ничего образовались Отрывкин, Лева и Алешка. Когда Соловей увидел друзей, от счастья он опять потерял сознание.

– Точно, самое время сейчас в обмороки падать, – саркастично сказал Отрывкин, – а мы, значит, давай придумывай, как его отсюда вытаскивать.

– А что тут думать? – вставил свои пять копеек Лева. – В зубы его и телепортировать.

– Я тебе дам «в зубы», – произнес Соловей, сразу приходя в себя. – А если я тебя клювом в глаз ткну, тебе понравится?

– О, очухался, – заулыбался Алешка, – а мы тебя спасти пришли. Хотя, может, ты уже спасся? Или, может, тебе уже и помощь не нужна? – ехидно закончил он.

– Все, – сказал Отрывкин, – начинаем спасательную операцию. Всех местных соловьев отпускаем, нашего забираем с собой. А уж этим гурманам я устрою веселую жизнь, – зловеще произнес он.

Щелкнув пальцами, он освободил всех запакованных в сети соловьев, открыл окно, и они с дружным и радостным щебетом вылетели на волю.

– Больше не попадайтесь в такой плен, – напутствовал их Отрывкин.

Вдруг в ответ донеслось:

– Мы уж постараемся. Но сначала повеселимся!

Отрывкин и компания даже рты разинули. Тогда Отрывкин скомандовал:

– Далеко не улетайте. По моей команде «Пли!» сами знаете, что надо делать.

В ответ раздались веселые трели.

Отрывкин достал пузырек и брызнул на готовое тесто несколькими каплями живой воды, достал из кармана другой пузырек, с мертвой водой, и тоже несколько капель брызнул на тесто,

пробормотав что-то о рогах, хвостах и копытах. Но это неточно. А в заключение из третьего пузырька, в котором находилась дедулина настойка (на девяносто девяти травах, девяносто процентов которых составляли валерьянка и пустырник), он налил хорошую порцию в самую середину теста.

– А теперь посмотрим, как они у нас повеселятся без соловьиных язычков, – язвительно сказал Олег.

Лева, Соловей и Алешка тревожно переглянулись.

Отрывкин щелкнул несколько раз пальцами, и вся компания стала невидимой.

– А теперь смотрите, что будет, – весело произнес голос невидимого Отрывкина, и раздался щелчок.

На кухню зашла кухарка. Она подошла к уже готовому тесту, не обращая внимания, что вся начинка улетела в прямом смысле. Замесив тесто как следует еще раз, кухарка, действуя как сомнамбула, взяла первое, что попало под руку, – это оказалась горчица – и щедро начинила пирог. Пирог она поставила в духовку.

– А теперь самое интересное, – прошептал невидимый Отрывкин.

Когда пирог испекся, за ним пришел лакей и понес его гостям. Отрывкин и его команда двинулись на цыпочках вслед за лакеем.

Они пришли в величественную, всю раззолоченную залу, посреди которой стоял стол. Стол был огромен и ломился от яств. Гости, разодетые в шелка и парчу, в предвкушении пирога улыбались и оживленно разговаривали.

– И чего ему еще не хватало, барину этому, – прошептал голос Отрывкина где-то рядом.

Когда лакей поставил пирог на стол и разрезал его на равное количество частей, у всех присутствующих слюнки потекли – до такой степени пирог выглядел аппетитно, с поджаристой корочкой. Никто почему-то не обратил внимания, что начинки-то нет.

– Вот уж не понимаю... Извращенцы какие-то, – тихонько прогудел голос Левы.

Соловей, хоть и оставался невидимкой, был в полуобморочном состоянии, как только представлял, что мог стать начинкой у этого пирога.

Тем временем каждый гость уже отведал по кусочку, у всех выступили слезы на глазах, кто-то удушливо кашлял и сипел («Забористая горчичка оказалась», – довольно пробормотала пустота голосом Отрывкина), и тут началось.

У хозяина выросли оленьи рога, и он начал крутить головой, не понимая, почему она стала такой тяжелой; у его супруги – длинные ослиные уши, и она испуганно ими помахивала; у остальных гостей – у кого что: здесь присутствовали и копыта, и свиные пяточки, и лопухи вместо ушей. Кто-то попытался встать, но запутался в длинном коровьем хвосте, который у него вырос, и жутко на него обиделся: почему, мол, коровий? почему не лисий или волчий?

– Оскорбили его, видите ли! Хвост не по рангу выдали, – хихикал невидимый Отрывкин вместе со своей компанией.

Кому-то, впрочем, достались стрекозиные крылья, и этот кто-то пытался взлететь, но сосед, у которого вместо рук стали копыта, все время наступал на эти крылья (видно, из зависти), так что полет не удался. Кто-то перестал разговаривать и мог только блеять или шипеть, как змея; кому-то мешало сидеть неожиданно появившееся в правильном месте осиное жало; у кого-то периодически вылетал изо рта длинный жабий язык и ловил мух, после чего счастливый обладатель этого языка возмущенно квакал и плевался. Одна дама, схватив болтающийся хобот, в который превратился ее нос, пыталась что-то сказать или прокричать, но вместо слов из хобота вылетал трубный звук пополам с чем-то мало привлекательным, что очень расстраивало ее соседа, ведь вытереться он не мог, потому что вместо рук у него были гусиные лапы, и почему-то синего цвета, что тоже не добавляло ему хорошего настроения. Он постоянно пытался этими лапами шлепнуть по хоботу, но не попадал: «счастливая» обладательница хобота была категорически против.

В общем, никто не остался обиженным.

Когда многострадальные гости увидели, что происходит с ними и вокруг, они подняли такой крик-мычание-рычание-блеяние-писк-визг, что слышно было, наверное, в соседней губернии.

Слуги, ошеломленные и испуганные, жались по стенкам, опасаясь подходить к таким господам. Некоторые, что были побойчее, выбежали на улицу с вытаращенными глазами и всем рассказывали, какая беда приключилась с барами.

– Они что, теперь такими на всю жизнь останутся? – отсмеявшись, спросил Алешкин голос.

– Нет, конечно, – ответил голос Отрывкина, – «повеселятся» немного и успокоятся. Через пару дней все пройдет, но есть все мясное они перестанут. Так что привет, новое сообщество вегетарианцев девятнадцатого века! Кстати, в то время и вегетарианцев, наверное, не было. То-то все удивятся! А экономия-то какая в хозяйстве, – прыснул смехом он.

Соловей, Алешка и Лева радостно заржали.

– А теперь красивый финал. – И Отрывкин как-то по-особенному свистнул.

Стая соловьев закружилась над головами испуганных и ошарашенных людей.

– Пли! – скомандовал Отрывкин, и...

В общем, головы всех гостей украсились чем-то белым и очень неприятно пахучим. Никто из птиц не промахнулся. С довольным щебетом соловьи разлетелись по своим домам.

В зале наступила гробовая тишина, слышалось только чье-то тихое хихиканье, явно заглушаемое рукой или еще чем.

– Ну, сплетни обеспечены. Теперь такие слухи пойдут, что долго еще эти господа от них не отмоются, – засмеялся Отрывкин, а потом добавил: – Что ж, а нам пора домой.

Раздалось знакомое шелканье, и вся наша компания оказалась в родной библиотеке старого Дома.

– Уф, как же я устал-то сегодня, – пробормотал Отрывкин. – Вроде ничего такого и не было, а будто землю на мне пахали.

– Еще бы, – ответил Лева, – помимо всего, столько нервов потратили. И всё за один день.

Тут в библиотеку ворвались все, кому не пришлось поучаствовать в приключении. Сколько было хлопанья крыльями, кланиця клювами, обнимашек, мурчания и ласковых слов!

– Почему меня не позвали? – возмутилась Сова. – Уж я бы там пирожок устроила с особыми язычками, с язычками гостей. Они бы у меня всю жизнь немymi были.

– Ну ты, Сова, разошлась, – сказал Ворон. – Тебе дай волю, всех победишь.

– А ты, старый, вообще молчи! – раскричалась Сова. – У меня и так сегодня был нервный срыв, так ты еще мне тут замечания делать будешь!

– На сегодня приключения объявляю законченными, – сказал Отрывкин. – Все свободны. Но с территории Дома ни ногой. А то я сегодня тоже что-то перенервничал, – продолжил он, судорожно разминая руки и явно пытаясь шелкнуть пальцами.

– Не надо! – хором закричала вся компания. – Мы жить хотим!

– Да ладно, что уж вы, – смущенно проговорил Отрывкин. – Что я, монстр, что ли.

Все многозначительно промолчали.

Тут возмутился Дом. Он так переживал, он так нервничал, причем за всех, а ему даже толком ничего не рассказали, не поставили в известность! Поэтому он объявил забастовку и по такому случаю приготовил сногсшибательный ужин. А если кому не понравится, те могут идти и питаться на поляне чем получится.

Каким-то образом все поняли мысли Дома и хором попросили у него прощения. Дом был отходчивый и добрый и сразу всех простил. И пригласил всех к столу.

Пужинав, вся компания собралась в библиотеке. Все подумывали посидеть и поговорить. Но тут у Отрывкина возник вопрос, и он, не откладывая его в долгий ящик, решил спросить.

– Птицы мои дорогие, – начал Отрывкин, – Левы и котят с Васей этот вопрос не касается. А вот вы, птицы, магистры магии, объясните мне, пожалуйста, почему так не хотите жить в человеческих ипостасях? Что вам мешает?

Ответил Ворон:

– Когда мы в человеческих ипостасях, то очень много получаем негатива. Для людей это вредно, а для магов вообще недопустимо: магия начинает вырабатывать и распространять негатив. Это тебе расскажет Соловей, который пострадал от завистников. Они хотели занять его место и выставили его, профессора магии, одного из основателей Школы магических искусств, фактически каким-то недоучкой. Это тебе скажет Сова, которая в человеческом обличье так настрадалась от отношений с прапором, что до сих пор не представляет, что может поверить мужчине, в человеческом облике конечно, – настолько ее обманули, посмеялись над ее любовью, нанеся непоправимую психологическую травму. Теперь она с содроганием думает о том, что когда-то была человеком. Хорошо, что людям вообще не разучилась верить. На этом она могла бы закончиться как маг.

Помолчав, Ворон продолжил:

– И у меня тоже есть причины не возвращаться в человеческий облик. Если я обратно стану человеком, то не проживу и нескольких дней, просто превращусь в прах и никакие магические способности мне не помогут. Почему, спросишь ты? Да потому, что это так работает. И переделать я это не могу. Поэтому мы все привыкли к своим птичьим ипостасям и получаем удовольствие, находясь именно в них. Да и имена-фамилии свои человеческие уже, честно говоря, позабывали... Надеюсь, я вполне удовлетворил твое любопытство?

– А-а, теперь-то все ясно, – протянул Отрывкин. – Понятное дело, кому охота помирать, когда еще дел невпроворот и сил магических немерено. Да и с остальными тоже все прояснилось. Вот интересно, как у нас сложится слевой? Мы же, две ипостаси, рядом существуем, одновременно.

– А вот этого, мой дорогой, никто не знает, – вмешалась Сова. – Ты у нас настолько непредсказуемый, что о тебе и сказать-то нечего. И уж тем более что-то предвидеть.

Отрывкин успокоился. Все было объяснено, все ответы получены. Можно было спокойно продолжать жить и магичить.

– Раз мы все выяснили и если ни у кого нет возражений, то попрошу нашего Ворона рассказать какую-нибудь историю. Как вы все на это смотрите?

Все смотрели хорошо и даже в одну сторону. Ворон в том числе.

– Тогда, – начал Ворон, – расскажу вам одну из самых любимых моих историй, а вы уж решите, быль это или небыль.

И Ворон начал рассказ...

Байки старого Ворона: Журавли летят

Маленькая, худенькая, она внешне походила на подростка. Хотя лет ей было около тридцати. Есть такое выражение: «неказистая внешность». Вот некоторые и считали ее неказистой. Глаза голубовато-зеленоватые, русые волосы подстрижены как у Мирей Матье (еще раньше такая прическа называлась «паж»). В общем, она была из тех, кто редко зацепит с первого взгляда. Но когда она начинала двигаться в танце (она не была профессионалом, все делала интуитивно), все вокруг замирало – и люди, и вещи. Танцевать ее научила тетя, а чувство ритма у нее было врожденное. Еще она умела петь – у нее было хорошо поставленное контральто. И писать удивительные стихи: слова узорами переплетались в некий потаенный, глубокий смысл, который немногим был доступен к пониманию. Но даже такие, глухие к прекрасному от природы, что-то чувствовали и заворожено внимали ритму строк, ибо это был ритм самого сердца. И это еще не все. Она умела рисовать. И не просто умела, а умело рисовала. Она могла передать чувства, эмоции в красках на своих полотнах.

Вот такой, или приблизительно такой, была Арина Журавлева.

Она никогда не обижалась, что парни обычно знакомились с ее подругами – высокими, красивыми (с их точки зрения). Она обычно говорила: «Что ж, каждому свое» – и шла с улыбкой счастья дальше.

Была Арина сиротой: родители умерли, братьев-сестер не было. Сначала ее воспитывала тетя по отцовской линии, но, став совершеннолетней, Арина решила жить одна. Квартира от родителей была, в институт на факультет иностранных языков она поступила и окончила с отличием. Зарабатывала переводами. Были у нее друзья, такие же одаренные чем-то природой, как и она. Жизнь была интересной и многообещающей – так думала Ариша (это ее друзья так называли, или – Птица, потому что в любую минуту могла встать и уйти, и никто не знал, куда и зачем). На вечеринках, на которых собирались друзья Арины, с ее приходом жизнь наполнялась особым смыслом. И все у всех получалось.

Однажды на вечеринке друзей, где песни под гитару и без, импровизированные выступления, чтение любимых отрывков из литературных произведений (в общем, это всегда были очень необычные вечеринки), познакомилась она со Стасом. Пришел он на огонек, чей-то приятель, седьмая вода на киселе, прислушивался, присматривался – все ему было внове. И Арина решила ввести его в круг своих друзей (возможно, он ей понравился задумчивым взглядом серо-зеленых восторженных глаз, будто человек каждую секунду ждал сказки, может, и глубоким, хрипловатым, таким мужским голосом, интересными высказываниями, и, главное, ему все нравилось). Познакомились. Он оказался художником. Изобразил портрет Арины на куске бумаги, который ему подсунули, с помощью кусочка угля.

В конце вечера Арина была покорена Стасом, его восторженным ожиданием чуда, и ушли они вместе.

Стали жить у него, в небольшой студии. Он называл Арину то горлицей, то своим маленьким воробушком (ей нравилось: она не претендовала на роль жар-птицы).

Пока не наступила осень, все шло нормально. Но как только зарядили дожди, все пошло наперекосяк.

Он с упоением писал ее портреты, но изо дня в день ему становилось все грустнее. Пишет портрет – и все, кажется, на месте, все в порядке. А оторвется и посмотрит на Аришу – ну не она это, и все! Хоть лбом о стену!

Долго так Стас мучился, осунулся; потом заметил, что и с другими картинами не то что-то происходит. Пока пишет – все нормально. Закончит – совсем другой смысл вложен в изображение.

Арина тоже работала, позировала Стасу очень много и, в конце концов, начала уставать. Вечерами пропадала неизвестно где. Приходила поздно, грустная, несчастливая.

«Птица ты моя нахохлившаяся» – иногда так он ее стал называть.

Стас у нее и так и этак пытался выяснить, что происходит.

– Ничего, – отвечала Арина, – устала что-то.

Отношения у них были хорошими, но чего-то не хватало.

Как-то ночью Стас проснулся и пошел на кухню воды попить. И вдруг видит, стоит его Аришка на подоконнике без ничего, только лунный свет омывает ее.

Стас испугался, хотел схватить, оттащить, а она голову повернула и говорит:

– Прости, Стас. Не могу я так, как в клетке. Оказывается, я свою свободу люблю больше всего. Прощай и не держи зла.

С этими словами окно распахнулось, дунул ветер, а на подоконнике и нет никого. Только маленькое синевато-серое перышко лежит.

Стас потом узнавал – оказалось, что журавлиное.

Он в ту ночь чуть с ума не сошел. Всех обзванивал, по всем друзьям бегал – никто не знал, где Арина. Единственное, ему сказали: «Не переживай, брат. Она иногда исчезает, но потом приходит. Мы уже привыкли».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.